

Вадим Полонский

Стратегии Д.С. Мережковского по завоеванию европейского литературного рынка на рубеже XIX – XX вв.: ранние методы саморепрезентации и западные «агенты влияния»¹

За пределами научного внимания до сих пор оставался важнейший феномен биографии Мережковского: последовательные усилия писателя по формированию своего *международного* реноме и завоеванию *европейского* литературного рынка на самом рубеже двух столетий, около 1900 г. Эта стратегия тем более интересна для исследования, что в ней скрещиваются несколько векторов саморепрезентации раннего Мережковского, которые в своей совокупности демонстрируют одну доминантную черту: сочетание деятельного профетизма, религиозно-философского проповедничества с ничуть не менее деятельным и очень цепким практицизмом.

В ситуации начала XX в. наиболее прямой путь, так сказать, «в салон всемирной литературы» пролегал через формирование писательской репутации в культурной столице тогдашнего Запада, во Франции, поскольку именно признание в парижских литературных кругах предопределяло последующую международную известность.

На рубеже 1890–1900-х гг. Мережковский первым из русских писателей Серебряного века начинает системную работу по налаживанию контактов с ведущими французскими периодическими изданиями («*Mercur de France*», «*Journal des Débats*», «*Revue des Deux Mondes*» и др.) и издательскими домами, по освоению французской социокультурной и литературной среды. Он использует для этого новейшие методы рекламы, самопродвижения, разнообразных имиджевых акций и пиаровских ходов, ищет выхода на наиболее влиятельных критиков и переводчиков «со связями» в европейском литературном истеблишменте. Посредниками – вольными или невольными – в этом ему так или иначе служат зачастую живущие в Европе критики, переводчики и политические деятели – франкофоны, по большей части русского и польско-литовского происхождения. Это и критик, романист и драматург Станислав Ржевуский. И едва ли не главный переводчик на французский Горького и Леонида Андреева Сергей Перский. И Илья Гальперин-Каминский, основатель газеты «*Le Franco-Russe*», знакомивший парижского читателя с образцами русской словесности, но параллельно и главный популяризатор польской литературы в Париже рубежа веков и – что характерно – переводчик одновременно и Мережковского, и Сенкевича («*Камо грядеши*», 1901, «*Бартек-победитель*», 1902), человек с сомнительной профессиональной репутацией при жизни, зато современной энциклопедией провозглашенный титулованным «принцем переводчиков» (его именем была названа ежегодная премия за лучший литературный перевод во Франции)². И переводчица, выступавшая в печати под псевдонимом Жак Соррез (*Jacques Sorrez*), Зинаида Васильева, дочь протоиерея Димитрия Васильева, настоятеля парижского русского кафедрального собора Александра Невского на *rue Daru*. И поляк Теодор Стефан Вижевский, писавший под галлицизированным именем Теодора де Вижева, один из ведущих парижских критиков религиозно-символистской ориентации, переводчик «*Воскресения*» Толстого на французский язык. Особое место в этом ряду принадлежит графу Маврикию Эдуардовичу Прозору (во франкоязычной печати выступал под именем *Maurice Prozor*), российскому дипломату польско-литовского происхождения, о котором подробнее – ниже.

К тому, чтобы двинуться по этому пути именно в 1900-м г., Мережковского побудило стечение ряда обстоятельств – как лично-биографического, так и общелитературного и даже исторического порядка. К концу 1890-х, как известно, в творческой эволюции писателя начинается новый этап. В ближайшем кругу общения деятели «Северного вестника» сменяются Розановым, иными будущими собратями по Религиозно-философским собраниям и «дягилевцами». Ссора с Волынским закрывает на время для Мережковского доступ практически во все петербургские журналы. Прекращает свое существование «Северный

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-02709) в ИМЛИ РАН. – The research for this article was financed by a grant from the Russian Science Foundation, project No 14-18-02709, at Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

² Hoof, Henri van. *Dictionnaire universel des traducteurs*. Genève: Slatkine, 1993, p. 158.

вестник», но начинает выходить «Мир искусства». Наконец, случается принципиальный «перелом»: негативная «декадентская» парадигма пересматривается и вызревает идея «новой церкви», которая должна явить себя через активную общественную деятельность. Писатель – к тому моменту уже успевший утвердиться как одна из безусловных величин «новой литературы» – осознает себя главным глашатаем «неорелигиозной» истины и, так сказать, «выходит на общественное служение».

Причем эта миссия сразу же осознается как дело наднациональное, всемирное. Мережковский все острее ощущает ограниченность сугубо российских чертогов – во многом «косных» и до сих пор плененных позитивистским восьмидесятиничеством. И испытывает потребность в освоении европейских пространств, готовых, с его точки зрения, к новой проповеди благодаря мистическому возрождению «конца века», «католическому обновлению» как закономерному следствию эволюции французского символизма и т.п.

Во Франции к 1900 г. сложились весьма благоприятные обстоятельства для усвоения русской литературной продукции, особенно того типа, который предлагался Мережковским. Заключение русско-французского союза (Антанты), в том числе оборонительного (1891–1893), проезд императора Николая II в Париж в 1896-м и подготовка второго визита, намеченного на 1901-й, благоприятствовали активному распространению русской литературы. Кроме того, к самому концу 1890-х в Париже наконец подогревается интерес к уже завоевавшему другие крупные европейские страны роману Сенкевича «Камо грядеши». Французский перевод этого сочинения, выпущенный в 1900-м символистским издательством «Revue blanche», с учетом допечаток тиража к 1902 г. разошелся в 200 000 экземплярах, став настоящим бестселлером и пробудив интерес к «славянским историческим романам»³. Причем необходимо осознавать, что, поскольку Царство Польское было частью России, а Сенкевич являлся подданным Российской империи, в сознании французской критики и широкой читательской аудитории, не озабоченной «детальями», он мог фигурировать как «русский» писатель. И то, что успех Сенкевича подготовил для Мережковского – автора «Юлиана Отступника» – идеальный с точки зрения конъюнктуры момент для выхода на парижский литературный рынок, самим русским автором не просто прекрасно осознавалось: он заставлял этот фактор работать на себя. Дополнительным стимулом потенциального интереса парижан к Мережковскому служил большой резонанс, вызванный публикацией на разных языках, в том числе по-французски в переводе Вижевы в «Echo de Paris» в 1899-м, романа Толстого «Воскресение». Этот резонанс оживил моду на русскую литературу. «Обязательность» этой моды была утверждена знаменитой книгой Вогюэ «Le Roman russe», но сама мода после 1886 г., когда вышла эта критическая монография, в общем не подогревалась появлением ярких переводных новинок. Достаточно очевидный повод поторопиться для Мережковского, который как раз в это время публикует частями «Л. Толстого и Достоевского» в «Мире искусства» и стремится параллельно, практически без задержки ознакомить с этим текстом европейского читателя. Напомним, что к рубежу XIX-XX столетий развитие средств коммуникации и универсализация культурной жизни Европы достигли таких масштабов, что появление переводных новинок в других странах могло происходить не только без обычной отложенности во времени, но, при определенных обстоятельствах, даже раньше, чем на родине писателя выходил оригинал. И Мережковский в своем освоении западного литературного рынка старался активно пользоваться подобными возможностями.

При этом он прибегал к помощи разных «агентов», но едва ли не главным его посредником в этих делах, по крайней мере с 1900-го г., служил уже упомянутый граф М.Э. Прозор (1849, Вильно – 1928, Симье, юг Франции). Личность чрезвычайно колоритная. Получив образование во Франции и Германии и владея с детства французским языком как родным, в 1880 г. он поступил на российскую дипломатическую службу. Служил в дипломатических миссиях в Стокгольме (1881), Бухаресте (1884), Рио-де-Жанейро (1885), Берне (1886), Дрездене (1887), Лиссабоне (1891), с 1892 г. по 1897 г. был чиновником Министерства иностранных дел, в 1897 г. назначен генеральным консулом в Женеве. В 1903–

³ Histoire des traductions en langue française. XIX siècle. Sous la direction d'Ives Chevreil, Lieven d'Hulst et Christine Lombez. Lagrasse: Verdier, 2012, p. 625.

1904 г. – министр-резидент в Веймаре, затем – посланник России в Бразилии и Аргентине⁴. Женившись на племяннице шведского поэта Карла Сноильского, прототипа ибсеновского Росмера, Прозор рано проникся творчеством «новых скандинавских писателей», прежде всего – Г. Ибсена, став главным его переводчиком на французский язык и популяризатором во франкоязычной Европе. Прозор находился в плотном творческом тандеме с О. Люнье-По, руководителем знаменитого парижского символистского Théâtre de l'Œuvre, был корреспондентом Ибсена, Георга Брандеса, Стриндберга, Гофмансталя, Вогюэ и длинного ряда иных ведущих деятелей западноевропейской культуры рубежа столетий, приятельствовал в Веймаре с Элизабет Фёрстер-Ницше, сестрой философа, сам выступал и как оригинальный писатель (роман «La Bohème diplomatique», 1892), и как изощренный критик, погруженный в магму эстетических поисков belle époque (среди прочего писал о том же Сенкевиче). В интеллектуально-художественных кругах тех европейских культурных центров, где Прозору доводилось служить, он быстро снискал себе репутацию «белой вороны» на фоне официозных российских дипломатов – именно по причине своей «европейскости» и склонности к эстетическим изыскам⁵. Мережковский познакомился с ним в 1896 г. в доме у Вл. Соловьева⁶. В письме к Перцову от 18 сентября 1900 г. он характеризует Прозора как «человека умного и милого» – своего «большого друга»⁷. Крайне редкая в устах Мережковского аттестация! Прозор идеально подходил на роль популяризатора автора «Христа и Антихриста» и его дела в Европе. И Мережковский весьма настойчиво навязывает ему эту роль, которую дипломат-литератор, надо сказать, принимает с готовностью и добросовестным старанием. Об этом прежде всего свидетельствуют архивные документы фонда Прозора из парижской библиотеки Арсенала, в котором осела коллекция из 11 писем Мережковского (некоторые – лишь в переводе на французский, оригинал отсутствует) с августа 1900-го по январь 1904 г., ряд иных, с ним связанных документов, и большой корпус корреспонденции (включающей обсуждение вопросов, так или иначе затрагивающих русского писателя) с ведущими западными критиками, издателями и театральными деятелями: Георгом Брандесом, Вогюэ и др. Сейчас эти материалы, до сих пор не введенные в научный оборот, подготовлены автором этой статьи к научной публикации и должны вскоре выйти. В совокупности с некоторыми документами из ОР ИРЛИ РАН, перепиской между Прозором и Элизабет Фёрстер-Ницше, опубликованной Маттиасом Штреснером⁸, и печатными источниками – в первую очередь здесь речь идет о сквозном обследовании откликов на сочинения русского писателя во франкоязычной периодике рубежа веков, значительная часть которых нашла отражение в недавней статье А.Ф. Строева⁹ – они позволяют реконструировать картину завоевания Мережковским европейского культурного рынка через французские литературные круги при помощи славянских посредников в начале 1900-х.

Но прежде – немного о предыстории.

Видимо, впервые фамилия Мережковского возникает на страницах французской печати в октябре 1893 г., когда Франция празднует официальный визит русского флота. Поэт Поль Коллен, чьи стихи П.И. Чайковской положил на музыку («6 французских песен. Op. 65»), приурочил к торжествам выход своих переводов тридцати романсов Чайковского, в том числе стихотворения Д.С. Мережковского «Смерть» («Если розы тихо осыпаются...»)¹⁰.

⁴ Подробнее см.: Nordisk familjebok. Konversationslexikon och realencyklopedi. V. XXII. Stockholm: Nordisk familjeboks aktiebolag, 1915, s. 452; Sträsner, Mattias. Count Moritz Prozor – a Russian Diplomat in the Service of Ibsen and Nietzsche // Ibsen and Russian Culture. Ibsen Conference in St. Petersburg 2003, 1 October – 4 October. Ed. by Brynhildsvoll, Knut. Oslo: Center of Ibsen Studies, University of Oslo, 2005, p. 47- 68.

⁵ Из донесения Альфреда фон Юлова, германского посла в Берне, приводится по: Sträsner, Mattias. Count Moritz Prozor – a Russian Diplomat in the Service of Ibsen and Nietzsche, p. 50.

⁶ Гиппиус-Мережковская, Зинаида. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-press, 1951, с. 157.

⁷ Письма Д<митрия>.С<ергеевича> Мережковского к П<етру>П<етровичу> Перцову (публ. и примеч. М<арины> Ю<рьевны> Кореновой) (продолжение) // Русская литература, 1991, № 3, с. 133-159, с. 151.

⁸ См.: Sträsner, Mattias. Count Moritz Prozor – a Russian Diplomat in the Service of Ibsen and Nietzsche, p. 51-60.

⁹ Строев, Александр. Первые французские переводчики и рецензенты Дмитрия Мережковского (1893–1908) // Русская литература в зеркалах мировой культуры: рецепция, переводы, интерпретации / Ред.-сост. Мария Надьярных, Вадим Полонский. Отв. ред. Александр Куделин. Москва: ИМЛИ РАН, 2015, с. 539-573.

¹⁰ Trente poésies russes: mélodies / Imitées par Paul Collin. Paris: Alphonse Lemerre, 1894.

17 апреля 1895 г. в газете «Le Figaro» Станислав Ржевуский¹¹ в большой статье, посвященной памяти А.Ф. Федотова, среди тех немногих русских, кто по-настоящему глубоко знаком с современной французской литературой, упоминает «Мережковского, наиболее эрудированного из молодых русских писателей, чей последний роман, „Отступник” – произведение значительное, совершенно незаурядное» («le plus érudit des jeunes écrivains russes, dont le dernier roman, le / *Le Renégat*, est une œuvre considérable, absolument hors ligne»). Нельзя не отметить, что столь лестную характеристику Мережковский получил из-под пера критика с, мягко говоря, своеобразным вкусом. Впечатляет ряд тех литераторов, среди которых Ржевуский поместил автора романа о Юлиане и которые, по его мнению, сумели-таки проникнуть в «латинский гений», «сдержанную и четкую красоту французского искусства»: «господа Суворин, маститый директор „Нового времени”; Боборыкин, знаменитый романист, чьи замечательные и многочисленные произведения, зачастую столь французские по духу, пора представить нашей публике; Буренин, проницательный критик, давший прекрасные переводы французских поэтов; Виктор Крылов, духоносный и плодотворный автор инсценировок почти всех успешных вещей в парижских театрах» («ММ. Souvorine, l'éminent directeur du *Nouveau Temps*; Boborykine, le célèbre romancier dont il est temps de faire connaître à notre public l'œuvre remarquable et multiple, souvent si française d'inspiration; Bourénine le critique pénétrant qui a donné de si belles traductions de poètes français; Victor Kryloff, l'adaptateur spirituel et fécond de presque tous les succès de théâtres parisiens»)¹². Эти размышления выглядят особенно пикантно не только как иллюстрация диких представлений парижского критика о российском эстетическом «истеблишменте». Особый «аромат» они обретают в перспективе биографии самого Мережковского: достаточно вспомнить о «сложных» отношениях писателя с Сувориным, не говоря уже о Буренине с его регулярными желчными пятничными фельетонами в «Новом времени» о декадентском поэте Неспособном и жене его Птице Ивановне, в которых лишь невежда не опознавал знаменитую символистскую чету.

В феврале 1896 г. о романе пишет обозреватель «Bibliothèque universelle et Revue suisse». Показательно его замечание: «Романист, прежде снискавший известность в основном стихами, скорее символистскими и декадентскими, проявил себя в этом романе как поэт, чья проза бесконечно лучше стихов» («Le romancier, après s'être fait connaître jusqu'ici presque exclusivement par des vers plutôt symboliques et décadents, s'est révélé dans ce roman un poète dont la prose vaut infiniment mieux que les vers»)¹³.

В мае 1896 г. Станислав Ржевуский посвятил Мережковскому в «Le Figaro» большую статью «Русский исторический роман», где, противопоставив автора «Отверженного», вышедшего год назад в «Северном вестнике», массовому ширпотребу «школы» Георга Эберса в Германии и России, развернул настоящую апологию молодого русского писателя. Его сочинение именуется «значительным художественным событием не только для эволюции русского романа, но и для идейного движения нашей эпохи в целом» («un événement artistique considérable, non seulement dans l'évolution du roman russe, mais en général dans le mouvement intellectuel de notre époque»). Оно порождает в критике «энтузиазм, почти подобный тому, что вызывают великие шедевры Толстого и Достоевского» («un enthousiasme pareil, presque semblable à celui que provoquent les grands chefs-d'œuvre des Tolstoï et des Dostoiewski»). Показательна причастно-пристрастная снисходительность упоминаний о «славянстве» Мережковского под пером франкоязычного литератора польского происхождения. Роман о Юлиане окрещен им «книгой редкой эрудиции для славянина» («livre d'une érudition rare chez un Slave»), и в целом, по словам Ржевуского, «уже давно ни один славянский писатель не создавал столь глубокого произведения» («Depuis longtemps, aucun écrivain slave n'avait produit d'œuvre aussi profonde»). Характерно и место, определяемое обозревателем «Le Figaro» начинающему историческому романисту в литературной табели о рангах. Здесь впервые засвидетельствовано как факт заслуженное вхождение романа о Юлиане «в моду» («[le roman] mérite la vogue littéraire dont il bénéficie en ce moment»). И констатируется: «благодаря

¹¹ В октябре 1898 г. в журнале «Космополис» выйдет статья этого польско-французского литератора о Ницше (Rzewuski, Stanislas La philosophie de Nietzsche // *Cosmopolis*, octobre 1898, v. 12, N 34, p.134-145), в которой, по-видимому, даст о себе знать влияние ряда идей молодого Мережковского.

¹² Rzewuski, Stanislas. Alexandre Fedotoff // *Le Figaro*, 1895, 17 avril, N°107, p. 3.

¹³ *Chronique russe* // *Bibliothèque universelle et Revue suisse*, 1896, février, t. 1, p. 417-425 ; p. 423.

несравненному мастерству, с каким исследован характер Юлиана Отступника, печального героя этой книги, Мережковский отныне утвердился как равный среди знаменитых современных писателей не только в России, но и во всей Европе» («par la maîtrise incomparable avec laquelle est étudié le caractère de Julien l’Apostat, le sombre héros du livre, M. Merejkovski s’est affirmé, dès aujourd’hui, l’égal des plus célèbres écrivains contemporains, non seulement en Russie, mais dans l’Europe entière»).

Ржевуский, по-видимому, первым в мировой литературной критике соотнес сюжет романа Мережковского с драмой Ибсена «Кесарь и Галилеянин» и, вспомнив об иных транскрипциях «юлианианы» в европейской литературе и засвидетельствовав, что русский автор оказался здесь вполне «на высоте» темы («Merejkovski est à la hauteur de ce sujet»), назвал его продолжателем традиций «Саламбо» и сравнил с Анатолем Франсом и Пьером Луисом¹⁴. Здесь уже проявлены те черты французской рецепции Мережковского, которые окажутся интегральными для критической аттестации его места в истории литературы: растождествление с линией массовой исторической прозы образца Эберса и попытка определить его «благородную» генеалогию, связанную с собственно французской традицией. Так рождается впоследствии стереотипизированное соотнесение Мережковского-романиста с высоким стилизаторством Флобера.

В октябре 1897 г. «Le Figaro» поместила новость:

«Дочь протоиерея Васильева готовится дебютировать в литературе.

М-ль Зина Васильева закончила перевод на французский язык большого исторического романа – говорят, замечательного произведения – юного мэтра современной русской литературы: г-на Дмитрия Мережковского. Название: „Смерть богов”. Тема: борьба христианства с язычеством, во времена Юлиана Отступника». («La fille de l’archiprêtre Wassilief prépare ses débuts en littérature. Mlle Zina de Wassilief vient d’achever la traduction en français d’un grand roman historique – une fort belle œuvre, dit-on – d’un jeune maître de la littérature russe contemporaine: M. Dmitry de Méréjkowsky. Titre: *la Mort des dieux*. Sujet: la lutte du christianisme contre le paganisme, au temps de Julien l’Apostat».)¹⁵. Попутно заметим, что замысел перевода у З. Васильевой созрел независимо от автора романа. По всей видимости, ее очное знакомство с Мережковским произошло зимой 1898–1899 гг., когда, уже переведя роман и будучи в Петербурге, русская парижанка заходила к писателю заручиться разрешением на издание. В апреле 1899 г. Гиппиус писала З.А. Венгеровой: «Она [З. Васильева] недавно была здесь этой зимой, умная, кажется, и довольно образованная дама. Заезжала к нам, но я ее не видела. Она перевела роман Дм. С. „Отверженный”, и он, как она говорила, принят в „Écho de Paris”, но она, по дамской привычке, улетела из Петербурга неожиданно, и теперь ни о чем ни слуху, ни духу. Дм. С., понятно, горюет и говорит, что от „баб” не жди толку <...> Дама забавная, хотя и офранцуженная»¹⁶.

В целом поиски издателя для романа заняли около трех лет. И поместить его в «Écho de Paris» не вышло. В тот сезон на страницах этого органа состоялась иная русская литературная премьера: публиковалось «Воскресение» Толстого. Так что Васильевой пришлось искать другую трибуну для своего перевода. В итоге он выходит «фельетонами с продолжением» в мае-августе 1900 г. на страницах «Journal des débats politiques et littéraires» («La Mort des Dieux», par Dmitry de Méréjkowski, traduit du russe par Jacques Sorrèze). Номер 140 от 21 мая 1900 г. открывался заметкой о Мережковском – без подписи. Однако авторство – Васильевой-Сорреза – устанавливается по упоминанию этой заметки в письме Мережковского от 10 сентября 1900-го графу М.Э. Прозору, где он высказывает недовольство газетным текстом и просит своего корреспондента написать вступительную статью для предстоящего книжного издания «Юлиана Отступника»: «Посылаю вам краткую биографическую заметку – я ее составил было для Васильевой, – но она ею почти не воспользовалась – поместила только 20 незначительных строк в *Débats*. Делайте с этой заметкой, что хотите, но прошу, по миновании надобности возвратите мне ее в С. Петербург Литейная 24 <...> Цитатами из моих писем конечно с

¹⁴ Rzewuski, Stanislas. Le roman historique russe // Le Gaulois, 1896, 7 mai, N°5296, p. 2. Все цитаты из данной статьи приводятся по одной странице – газетной полосе, поэтому ссылка дается только после последней цитаты. Тот же принцип действует в аналогичных случаях и далее.

¹⁵ Berg, Émile. Petite chronique des lettres // Le Figaro, 1897, 12 octobre, p. 5.

¹⁶ Гиппиус, Зинаида. Письмо к Зинаиде Венгеровой от 8 апреля 1899 // РО ИРЛИ, ф. 39, оп. 2, ед. хр. 542.

осторожностью (я вполне верю Вашему такту) также можете воспользоваться. Что касается до моих стихотворений – то самый важный сборник «Новые стихотворения», но, кажется, их уже нет в продаже. Из Петербурга я Вам их пришлю, если еще найду экземпляр. Впрочем, полагаю, можно и без них обойтись. А вот статья о Л. Толстом и Достоевском» (в Мире Искусства) мне кажется очень существенной и хорошо, если бы Вы с ней познакомили публику хотя бы впоследствии в извлечениях <...>¹⁷.

Это письмо в целом достаточно красноречиво свидетельствует о настойчивости, с какой Мережковский пытается привлечь адресата к решению своих текущих вопросов в отношениях с издателями и переводчиками. Примечательна ссылка на «биографическую заметку», которую писатель просит Прозора использовать в работе над предисловием к книжному изданию «Юлиана Отступника». Этот документ осел в парижском фонде Прозора в переводе на французский, русский оригинал текста отсутствует (возможно, по просьбе автора он был ему возвращен). Он до сих пор не был известен исследователям. Считается, что до «Автобиографической заметки», написанной для «Русской литературы XX века» под ред. С. Венгерова (опубл. в 1914-м), которую Мережковский также решил издать в 1913-м в «Русском слове» и поместил год спустя в последнем, 24-м, томе собственного второго собрания сочинений, он автобиографических текстов не писал, сделав отказ от них свойством своей литературной позы. Этот тезис обычно сопровождается в качестве иллюстрации упоминанием ответа, какой в 1907-м дал Мережковский на просьбу М.Л. Гофмана представить свою автобиографию для «Книги о русских поэтах последнего десятилетия»¹⁸. Тогда он отделался запиской, в которой свой отказ выполнить просьбу вежливо мотивировал тем, что «лучшей» автобиографией считает «сами произведения писателя»¹⁹. О принципиальном отказе Мережковского от собственных жизнеописаний упоминает в своем очерке о нем и М.А. Лятский в начальном томе первого собрания сочинений писателя (1912)²⁰.

Такая модель – принципиальной субституции автобиографии творчеством – вообще была характерной частью литературной позиции некоторых старших символистов, их особого типа жизнелюбческой стратегии: так же поступал, к примеру, Федор Сологуб²¹. Вот только парижский прозоровский архив и переписка графа с Мережковским свидетельствуют о том, что последний эту стратегию применял исключительно внутри *российского* культурного контекста. При решении практических вопросов продвижения своего имени на *западные* литературные рынки эстетская резиньяция и стремление сберечь собственное «я» за покровом творчества оказывались неуместными. В России в 1907 г., где Мережковского читающая публика уже хорошо знала, так можно было играть. В Европе в 1900-м – нет. Здесь широкого читателя нужно было с собой знакомить. И, цепко понимая собственный интерес, Мережковский пишет свою первую – из известных на сегодняшний день – автобиографию и отправляет ее как Васильевой, так и Прозору. По типу это в сущности претекст известной «Автобиографической заметки» для венгерского издания. С поправкой на то, что здесь нашли отражения события жизни лишь до рубежа двух столетий («парижская заметка» содержит в конце датировку и локализацию: 1900, Сицилия, Таормина). В остальном структура этого текста и выделенные его жизнеописательные элементы более или менее соответствуют тому, что появится в 1913–1914 гг.: краткие сведения о происхождении; петербургское детство «в старинном и мрачном доме»; учеба на историко-филологическом факультете; революционное брожение среди молодежи в ответ на реакцию при Александре III, симпатии к этим настроениям и последующий отход от них, вызванный интересом к религиозно-философским вопросам; юношеская пессимистическая лирика литературного дебюта; переводы греческих трагиков и романа Лонга;

¹⁷ Lettres au comte Maurice Prozor // Bibliothèque nationale de France, Arsenal, Manuscrits, 15727. Здесь и далее, если иное не оговорено особо, все сноски на письма М.Э. Прозору и документы, осевшие в его архиве, отсылают к этому фонду. Датировки писем приводятся по григорианскому календарю.

¹⁸ См.: Холиков, Алексей. Автобиографическая заметка Д.С. Мережковского как механизм самозапечатления в культурной памяти // Автобиография, 2012, № 1, с. 89-100.

¹⁹ Там же, с. 90.

²⁰ Лятский, Михаил. Дмитрий Сергеевич Мережковский // Мережковский, Дмитрий Сергеевич. Полное собрание сочинений. Т. 1. Санкт-Петербург; Москва: Издательство товарищества М.О. Вольф, 1912, с. I-XI; с. III.

²¹ Ср. слова Сологуба: «биография никому не нужна. Биография писателя должна идти только после основательного внимания критики и публики к сочинениям» (Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Под. ред. Модеста Гофмана. Санкт-Петербург; Москва: Издательство товарищества М.О. Вольф, 1909, с. 240).

влияние «Гете, Байрона, Флобера, Бодлера, Эдгара По, Ибсена, из русских – Пушкина и особенно Достоевского»; женитьба на Гиппиус; смерть матери как глубочайшее потрясение, оставившее неизгладимый след; интерес к теме всемирно-исторической борьбы между христианством и язычеством, Богочеловеком и человекобогом, которая «именно сейчас достигает величайшего внутреннего напряжения»; стремление побывать в тех местах, что связаны с жизнью героев его исторических романов; указание на то, что именно он впервые произнес в России слово «символизм»; преследования со стороны позитивистско-либеральной цензуры. Заметка существенно короче и суше позднейшего, «венгеровского», текста; она явно ориентирована на западного читателя и не содержит ничего, что требовало бы для него дополнительных пояснений. Но содержит одно существенное указание в конце: «Я не смею надеяться, но был бы счастлив, если бы философско-религиозные вопросы, на которые я стараюсь указать в своей трилогии (ее первая часть «Смерть богов» во французском переводе находится в печати), привлекли к себе более серьезное внимание во Франции, чем то имело место в России» («Je n'ose pas espérer mais je serais heureux, si les questions philosophiques et religieuses que je m'efforce d'indiquer dans ma trilogie (sa première partie „La mort des dieux” en traduction française est à l'impression) attireraient sur elles une attention plus sérieuse en France que ce n'était en Russie») ²². Эта кода лишний раз подчеркивает, что свою «неорелигиозную» проповедь на данном этапе Мережковский пытается сориентировать именно на западную аудиторию. Ему нужны адепты из Европы, где зарождается «католическое обновление» («le renouveau catholique»), поскольку в России резонанса, адекватного прозвучавшему пророческому голосу писателя-историсофа, обрести не удастся.

Вернемся к письму Прозору от 10 сентября 1900 г. Обиды на Васильеву, которая «почти не воспользовалась» этой автобиографией, выглядят странно. В своей заметке от 21 мая 1900 г. в «Journal des débats», знакомящей читателя с романом «Юлиан Отступник», Васильева добросовестно перечислила все основные факты, указанные в записке (причем в формулировках, совпадающих с французским переводом из парижского архива Прозора). И выдвинула тезис, который вскоре станет одним из лейтмотивов франкоязычной критики о Мережковском, выходящей из-под пера его «агентов», прежде всего Прозора: он назван здесь тем, кто «слывет главой современной русской литературы» («celui qui passe pour être le chef de la littérature russe contemporaine») ²³. Тезис, очевидно ожидаемый Мережковским, но не достаточно полно и апологетично развернутый. Отсюда – и недовольство.

В том же письме Мережковский досадует, что книжное издание «Юлиана» будет выходить неизвестно где, просит навести справки, нельзя ли опубликовать его в «Mercure de France», а заодно перевести еще не напечатанную даже в России пьесу З.Н. Гиппиус «Святая кровь» (1900). Затем, 18 сентября 1900 г., в письме из Петербурга он беспокоится, успеет ли Прозор написать вступительную статью к книжному изданию «Смерти богов», и предлагает ему встретиться для переговоров по этим вопросам с приехавшим в Париж П.П. Перцовым.

Роман «Смерть богов. Юлиан Отступник» выходит 22 ноября 1900 г. в издательстве «Calmann-Lévy», которое проводит активную рекламную кампанию, видимо, рассчитанную на то, чтобы обеспечить успех не только первой книге, но и последующим томам трилогии.

18 ноября газета «Le Gaulois» предваряет выход романа заметкой, которая исполнена той самой риторикой, на которую рассчитывает Мережковский и которой способствуют его славянские друзья-франкофоны:

«В мире книг. Нескромность позволяет нам сообщить новость, которая должна произвести сенсацию в литературном мире: о скорой публикации „Смерти богов”, шедевра одного из мэтров новой русской литературы Дмитрия Мережковского. Тема романа необычайно интересна – борьба агонизирующего язычества с христианством, римская империя в царствование загадочного Юлиана Отступника» («A travers les livres. Une indiscretion nous permet d'annoncer une nouvelle destinée à faire sensation dans le monde des lettres, c'est la prochaine publication de *la Mort des dieux*, le chef-d'œuvre d'un des maîtres de la nouvelle littérature russe: Dmitry Mérejkowsky. Le sujet de ce roman est des plus intéressants, c'est la lutte du paganisme

²² Mérejkowsky, Dimitri <Autobiographie> // Bibliothèque nationale de France, Arsenal, Manuscrits, 15727.

²³ [Sorrèze, Jacques – Васильева, Зинаида] «La mort des dieux» // Journal des débats politiques et littéraires, 1900, N° 140, 21 mai, p. 3 («Lettres, sciences et arts»).

agonisant contre le christianisme; c'est l'empire romain sous le règne de l'énigmatique Julien l'Apostat»²⁴.

Едва ли не все ведущие издания публикуют подробную издательскую аннотацию, расхваливающую роман и автора. От них не отстают и органы, мягко говоря, далекие от сугубо литературных интересов. Прочитываем, к примеру, журнал «Armée et marine» («Армия и флот»):

«„Смерть богов” – кульминационное произведение главы новой русской литературной школы <...>. „Камо грядеши” познакомил нас с римским миром Нероновой эпохи, „Смерть богов” переносит нас во времена Юлиана Отступника <...>. Эти два мира, мир языческий и мир новый, оживают на страницах, написанных с драматической искренностью и простотой, многие из которых производят захватывающий эффект. Это сочинение, безусловно, один из самых прекрасных исторических романов, которые когда бы то ни было доводилось читать» («*La Mort des Dieux* de Dmitry Mérejkowsky est l'œuvre culminante du chef de la nouvelle école littéraire russe <...>. *Quo vadis* nous avait fait connaître le monde romain à l'époque néronienne, *la Mort des Dieux* nous reporte au temps de Julien l'Apostat <...>. Ces deux mondes, le monde païen et le monde nouveau, sont évoqués en des pages écrites avec une sincérité et une simplicité dramatiques dont certains effets sont poignants. Cet ouvrage est certainement l'un des plus beaux romans historiques qu'on ait jamais lus»)²⁵.

1 декабря 1900 г. «Revue des Deux Mondes» в рекламном объявлении извещает о 2-м издании (т.е. допечатке тиража, обычно в тысячу экземпляров). Газета «Le Temps» в декабре пишет об 11-м издании, а 7 января и 11 февраля 1901-го – о 15-м и 19-м изданиях, подчеркивая, что этот «поразительный успех» – не дань моде, а заслуга самого романа, где начальные времена христианства описаны «рукой мастера». «Фигаро» 23 ноября 1900 г. (№327) печатает краткую (положительную) заметку о выходе романа, а 8 декабря (№ 342) сообщает об 11-м издании книги, об успехе, сопоставимом с популярностью «Камо грядеши» и «Без догмата» Сенкевича²⁶.

Во французском издании «Смерти богов» предисловия, которого Мережковский ожидал от Прозора, нет. Граф, по всей видимости, не успевая его написать, превратил несколько позже обещанный автору текст в статью «Ницше в России» и напечатал ее в журнале «Mercure de France» в марте 1901 г. с примечанием «По поводу недавнего романа Д. Мережковского „Смерть богов”, переведенного Жаком Соррезом»²⁷. В сущности это первая во франкоязычной критике серьезная работа, знакомящая европейского читателя с литературой русского модернизма. Весьма любопытный текст, который как минимум нуждается в переводе и введении в современный русскоязычный научный узус. Автор воссоздает национальный колорит русского модерна, проникнутого ницшеанским влиянием, которое здесь принципиально меняет химию собственных духовных потоков: они переосмысляются в напряженно-экстатическом религиозно-жертвенном ключе – в сущности, враждебном Ницше. Этот – глубинный – вектор русской ницшеаны впервые в мировой критике отметил именно Прозор. Русские ницшеанцы описаны им как порождение «фантастического» Петербурга Достоевского (и в чем-то прозоровский дискурс предвосхищает здесь знаменитые работы В.Н. Топорова о «петербургском тексте» русской литературы). Автор фиксирует три социокультурных источника модернистского типа писателей в русской литературе: еврейство, духовенство и бездушная бюрократия, порождающие в выходцах из своей среды фрустрацию и радикальный вызов, утопический порыв – много более смелый, экстремальный в духовном целеполагании, чем у западных собратьев по эстетическому цеху. Прозор говорит и о Гиппиус. и о Минском, и о Волынском, и о Розанове, но стержневой фигурой новейшей русской

²⁴ Le Gaulois, 1900, 18 novembre, n.°6917, p. 1.

²⁵ Bibliographies // Armée et marine, 1900, 23 décembre, N°51, p. 1116. Тот же рекламный текст публикуют: «Revue des deux Mondes» (1 декабря 1900, т. 162, с. 18, приложение), «Journal des débats» (24 ноября 1900, № 326, с. 3), «La Lanterne» (25 ноября 1900, № 8617, с. 2), «L'Aurore» (4 декабря 1900, № 1142, с. 3), «La Presse» (8 декабря 1900, с. 2), «Le Rappel» (26 декабря 1900, № 11247, с. 2), «Le XIXe siècle» (26 декабря 1900, № 11247, с. 4).

²⁶ См.: Строев, Александр. Первые французские переводчики и рецензенты Д.С. Мережковского (1893–1908), с. 544. Исследователь связывает такой внезапный ажиотаж вокруг «Юлиана» с агрессивной рекламной стратегией издательства «Calmann-Lévy».

²⁷ Prozor, Maurice. Nietzsche en Russie (à propos d'un livre récent, *La Mort des Dieux*, roman de D. Mérejkowsky, traduit par Jacques Sorrez) // Mercure de France, 1901, mars, N 135, v. 37 (3), p. 671-688.

литературы здесь предстает как раз Мережковский. Причем автор не ограничивается, в отличие от Васильевой, констатацией этого факта, но системно и вдумчиво анализирует историософско-эстетическую концепцию Мережковского и «рационально» подводит к заключению, еще более дифирамбическому, чем то, что позволила себе переводчица «Юлиана Отступника»: Прозор предсказывает писателю удел одного из «вечных спутников» («un *Compagnon éternel*») ²⁸.

Мережковский тотчас читает эту статью, благодарит, хвалит, дает понять, что на этом останавливаться нельзя – нужно действовать дальше, интересуется, получили ли Прозор и Теодор де Вижева отписки статей о Толстом и Достоевском, вышедших в «Мире искусства», и «Воскресших богов», напечатанных в России в 1901 г. отдельным изданием, и заодно спрашивает, не раздумал ли Вижева писать о нем в «*Revue des Deux Mondes*» (письмо от 1 марта 1901 г.). Но статья последнего «Граф Толстой и русская критика» ²⁹ Мережковского обижает. С его точки зрения, она «очень легкомысленна». Особенно сильно задевает писателя за живое сравнение с Горьким. Оно окажется стигмой Мережковского на долгие годы: борьба с европейской известностью Горького станет для него важной линией в сюжете дележа западного «литературного рынка». Раздражают и снисходительные сожаления парижанина-поляка по поводу того, что русский писатель – слишком «язычествующий», не такой последовательный христианин, как католик Сенкевич. Мережковский пишет графу Прозору, что его «бесконечно обрадовало» намерение переводить статьи о Толстом и Достоевском для «*Mercur de France*»: «Но решено это уже или не решено? Полагаю, что от *этого* действительно зависит литературная судьба моя во Франции, и следовательно в Европе» (письмо от 12 марта 1901 г.). Через месяц, 12 апреля 1901-го, он посылает Прозору «Л. Толстого и Достоевского», изданных отдельной книгой, предлагает, чтобы «*Mercur*» печатал ее фрагментами, но без промедления, настойчиво напоминает намерению своего адресата перевести «Святую кровь», а заодно хвалит его фельетоны в «*Journal de Saint-Pétersbourg*», на которые некая г-жа В. обещала написать рецензию. Мережковский не упускает случая польстить самолюбию друга. И имеет на то все основания. До того как Прозор начал писать – с 1901-го – в литературном подвале этой ведущей российской франкоязычной газеты, литературная критика на ее страницах отличалась густопсовым позитивистским восьмидесятиничеством. По своему эстетическому уровню она заметно уступала большинству столичных русскоязычных изданий даже отнюдь не самого рафинированного толка. Прозор вмиг ломает эту ситуацию, погружая читателя *in medias res* в широкий общеевропейский контекст новейших эстетических поисков *belle époque* и пуская в ход стилистический регистр изощренного человека модерна.

Успех «Юлиана Отступника» во Франции приводит к тому, что сразу несколько издателей и переводчиков интересуются вторым романом трилогии, «Воскресшие боги». Роман появляется практически одновременно в двух изданиях – у «*Calmann-Lévy*» в переводе той же Васильевой-Сорреза, и у «*Perrin*» в переводе Сергея Перского. 3 февраля 1902 г. литературный обозреватель газеты «*Gil Blas*» сетует на то, что издатели заполнили французский книжный рынок русскими романами, и приводит в качестве примера две публикации одного и того же сочинения о Леонардо со слегка измененными названиями. «Россия – государство „дружественное и союзное“, спору нет, но это не основание затапливать нас, как из-за прорвавшейся плотины, своей литературной продукцией» («*La Russie est la nation „amie et alliée“, c'est bien entendu, mais ce n'est pas une raison, pour qu'elle nous inonde, à digues rompues, de ses productions littéraires*»), – язвит журналист. Впрочем самому роману Мережковского он скорее благоволит – его раздражает агрессивный напор рекламной кампании: «Нас уже известили, что „Смерть богов“ – „кульминационное произведение“ Дмитрия Мережковского; теперь мы знаем, что „Воскрешение богов“, или „Роман о Леонардо да Винчи“ – его „основополагающее произведение“, и с тревогой ждем, каким предстанет „Антихрист“» («*Nous avons été avertis, déjà, que la Mort des Dieux était „l'œuvre culminante“ de M. Dmitri Mérejkowsky: et nous le sommes, cette fois-ci, que la Résurrection des Dieux – ou le Roman de Léonard de Vinci – est son „œuvre capitale“: aussi, nous demandons-nous, anxieusement, ce que sera l'Antéchrist?*») ³⁰.

²⁸ Ibid, p. 688.

²⁹ Wyzewa, Théodor de. Le comte Tolstoï et la critique russe (Lev Tolstoï i Dosloïewski, par D. Mérejkowski, série d'articles publiés dans le *Mir Isskoustva*, Saint-Pétersbourg, 1900) // *Revue des Deux Mondes*, 1901, t. 2, p. 449-460.

³⁰ La Résurrection des Dieux, Léonard de Vinci; Le Roman de Léonard de Vinci (La Résurrection des Dieux), – par M. Dmitri Mérejkowsky // *Gil Blas*, 1902, 3 février, p. 2.

Предисловие С.М. Перского к изданию, выпущенному домом «Perrin», вряд ли могло прийти по душе Мережковскому, ибо переводчик опять же сперва сравнил его с Горьким, потом указал на отмеченные предшествующей критикой композиционные слабости книг «молодого романиста», правда, снисходительно признав, что во втором романе недостатки уже во многом преодолены³¹. Но статья автора, близкого к социалистам, принесла свои плоды.

Мережковского – религиозного мыслителя, едва ли не переметнувшегося, с точки зрения «прогрессивных» читателей «Л. Толстого и Достоевского», в «ретроградный» лагерь, начинают хвалить французские социалисты. Так, в январе 1902 г. журнал «Revue socialiste» печатает восторженную заметку о публикации романа, «вышедшего в России всего несколько месяцев назад и тотчас отмеченного всеми критиками как подлинный памятник единства науки и искусства, достойный сопоставления с „Войной и миром“ графа Толстого» («Publiée en Russie depuis quelques mois à peine, *La Résurrection des Dieux* y a été aussitôt saluée, par tous les critiques, comme un véritable monument de science et d'art tout ensemble, digne d'être mis en parallèle avec *La Guerre et la Paix* du comte Tolstoï»), не забывая превознести мастерство идейного собрата – переводчика за его «элегантное и продуманное переложение» («l'élégante et consciencieuse adaptation de M. Persky») оригинального текста на французский³².

В ноябре и декабре 1902 г. журнал «La revue politique et littéraire. La Revue Bleue» публикует две статьи Мережковского о Толстом и Достоевском³³, которые поначалу граф Прозор, понуждаемый своим другом-автором, тщетно пытался предложить в «Revue des Deux Mondes» через Мельхиора де Вогюэ, но получил решительный отказ. В своем ответном письме по этому поводу от 22 июня 1902 г., осевшем в прозоровском архиве, прославленный автор «Русского романа», отбросив детальные объяснения, выразил сомнение, что главный редактор журнала Фердинанд Брюнетьер откроет *в этот момент* свое издание для произведений такого рода («Pour des raisons trop longues à expliquer, je doute que M. Brunetière ouvre volontiers sa Revue, en ce moment, à des travaux de cet ordre»). Вероятно, здесь Вогюэ намекал на то, что после публикации «Воскресения» вопрос о религиозной проповеди Толстого во французском общественном мнении впитал слишком много политизированной энергии, особенно на фоне нарастающего антиклерикализма властных кругов. В этой ситуации правый католик и одновременно крупный издатель Брюнетьер мог не желать усугублять напряжение.

В начале 1903 г. в издательстве «Perrin» вышла отдельным изданием книга «Толстой и Достоевский. Личность и творчество» в авторизованном переводе С.М. Перского и М.Э. Прозора. В обстоятельной вступительной статье к этой книге гр. Прозор, раскрывая концептуальную основу метода Мережковского-критика, идет еще дальше по пути реализации уже прежде намеченной стратегии: пытается найти ему место в истории литературы изнутри, так сказать, французского канона. И это место – с точки зрения русской литературной парадигмы – оказывается неожиданным. По Прозору, Мережковский – убежденный противник отечественных позитивистов – предстает продолжателем дела крупнейшего из позитивистов западных: Ипполита Тэна. Подобно последнему, он вскрывает в художественных мирах конкретных писателей выражение универсалий общечеловеческой эволюции³⁴. Легкими штрихами благодаря стараниям графа-дипломата Мережковский был окончательно уроднен французской словесности, перемещен из национального в общеевропейский контекст.

Как свидетельствует эпистолярный, готовность Прозора помочь своему другу – а Мережковский не устает осыпать графа просьбами о содействии в самых разных литературно-журнальных парижских начинаниях – во многом обусловлена тем, что он был в эти годы адептом «Главного», «новой церкви» Мережковских. Аллюзии на то нитью идут через весь корпус писем. И опять же Дмитрий Сергеевич стремится извлечь практическую пользу из духовного «сродства» со своим корреспондентом. Так, в письме от 1 декабря 1903 г. он

³¹ Persky, Serge. Avant-propos du traducteur // Mérejzkowsky, Dmitri. *La Résurrection des Dieux*, Léonard de Vinci (roman). Traduction et Préface de Serge M. Persky. Paris: Perrin, 1902, p. I-X.

³² G.R. Notices bibliographiques // *La Revue socialiste*, 1902, janvier, t. 35, N°205, p. 126-127.

³³ Mérejzkowsky, Dmitri. Tolstoï et la pensée de la mort // *La Revue politique et littéraire. La Revue Bleue*, 1902, N°20, 15 novembre, p. 609-613; *Le christianisme de Tolstoï et de Dostoïewsky* // *Ibid*, 1902, N°26, 27 décembre, p. 805-809.

³⁴ Prozor, Maurice. Préface // Mérejzkowsky, Dmitri. *Tolstoï et Dostoïewsky. La Personne et l'œuvre* / Traduit avec l'autorisation de l'auteur par le Cte Maurice Prozor et Serge Persky, et précédé d'une préface du Cte Prozor. Paris: Perrin, 1903, p. V-XVI.

замечает: «Мы издаем журнал «Новый Путь», посвященный нашим темам, т.е. новому пониманию христианства. Не дадите-ли нам что-нибудь? Например, обзор этого движения в современной французской литературе? Или другое, что хотите <...> И не можете-ли достать какой нибудь ненапечатанной вещи у Ибсена (его писем, воспоминаний, дневников) или у Метерлинка? Нам это было бы очень важно. Но имейте в виду, что денег у нас пока очень мало и мы начинаем, как нищие. Все отдаем даром свой труд: разумеется, только что журнал станет на ноги – все получают то, что следует <...> Хотелось-бы личного участия европейских религиозных сил (в их скорое возникновение я твердо верю) в этом русском и уже хоть чуточку всемирном деле. Не напишите-ли о Новом Пути в *Mercure de France*? Видите, сколько просьб! Формула: мы на Вас рассчитываем как на идейную и вместе с тем живую, личную связь с Европой. Помогите!»

Надо сказать, что Прозор с щедрой готовностью отозвался на просьбу друга. И, находясь в Веймаре, добыл у сестры Ницше действительно уникальный материал – неопубликованную статью из архива ее брата «Критика высших ценностей. О происхождении религии», которая вышла – впервые, причем мировая премьера состоялась именно в русском переводе – в сентябрьском номере «Нового пути» за 1904 г.³⁵

Вскоре граф Прозор был переведен в Южную Америку, и его контакты с европейскими литературными кругами сбавили интенсивность. Впрочем, Мережковский не снижал своего напора в желании «напитаться помощью» друга и, скажем, в письме от 8 июля 1904 г. как бы ненароком бросал: «Охотно бы поехал к Вам в Бразилию погостить <...> Нельзя ли бразильцам прочесть лекцию о русской литературе?»³⁶

Поездке Мережковского с лекционным туром в Бразилию и его проповеди среди южноамериканской аудитории так и не суждено было сбыться. По-видимому, на время контакты с Прозором угасли: письма в Южную Америку шли долго, телеграф был дорог – и в этих условиях реализовывать совместные начинания оказывалось практически невозможно. Но граф Прозор не оставлял своего друга участием. По прошествии многих лет, уже в совсем иных исторических условиях – в феврале 1924 г. – он выступил со страниц «*La Revue de Genève*» со статьей «*Dmitri Merejkovsky*», где апологетический обзор творческого пути писателя вершился выражением надежды, что его вклад в литературу по достоинству оценит Нобелевский комитет³⁷. По всей видимости, тогда же Прозор попытался привести в движение свои шведские связи. Но, как мы знаем, безрезультатно.

Что же до стратегий Мережковского по завоеванию европейского литературного рынка и конструированию собственной литературной репутации на Западе, то в годы первой русской революции и всех последовавших за тем событий, оставаясь *в сущности* теми же, они принципиально поменяли *внешние* формы, принаравливаясь к новым обстоятельствам. Но это тема для отдельного большого исследования.

Примечания:

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН

Vadim Polonskiy: Merezhkovsky's strategies of conquering European literary market at the turn of the 20th century: His early methods of self-representation and his agents for influence in the West

The paper dwells on Merezhkovsky's strategies of conquering Paris literary market as means of constructing his own European reputation at the turn of the 20th century. It sketches out early French reception of the Russian writer and demonstrates his attempts to establish contacts with leading French periodicals and publishing houses using the help of francophone mediators of Slavic origin. Special attention is paid to Maurice (Mavricy Edouardovitch) Prozor, Russian diplomat, who lived in Europe, had some influence in Western literary circles and played a significant role in promoting Merezhkovsky. The scholar introduces for research use hitherto unknown documents by Merezhkovsky from Prozor's French archives (including letters and autobiography of 1900).

Key words: literary reputation, French reception, translation, literary mediators

³⁵ Ницше, Фридрих. Критика высших ценностей. О происхождении религии // Новый путь, 1904, № 9, с. 240-255.

³⁶ Письмо Дмитрия Мережковского Маврикию Прозору от 8 июля 1904 г. // ОР РНБ, ф. 124, ед. хр. 2780, с. 11.

³⁷ Prozor, Maurice. Dmitri Merejkovsky // *La Revue de Genève*, 1924, N°44, février, p. 159-167.